

Погиб в авиационной катастрофе.

Иосиф Павлович Уткин

Письмо

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя.

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клеш!
Рассказал, что ты был под Кронштадтом.
Жив...
Но больше домой не придешь...

Он умолк.
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель.
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова,
Гоша,
Милый!..
Молю...

Приезжай..
Я тебя и такого..
И безногого..
Я люблю!

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

Иосиф Павлович Уткин

Александр Жаров

Как застигнет за коптилкой
Ночь полярная глубокая,
Уношусь душою пылкой
Всё к тебе, моя далёкая.

Мне опять в разлуке чудится,
Что всему война виновница...
Всё плохое позабудется,
Всё хорошее запомнится.

Советский поэт, редактор. Автор гимна пионерии «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Евгений Нежинцев

"Пусть буду я убит в проклятый день войны..."

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны...

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьется локон твой у синего виска...

Евгений Саввич Нежинцев умер в Ленинграде от голода 9 апреля 1942 года.

* * *

Застыли, как при первой встрече.
Стоят и не отводят глаз.
Вдруг две руки легли на плечи
И обняли, как в первый раз.

Все было сказано когда-то.
Что добавлять? Прощай, мой друг.
И что надежней плеч солдата
Для этих задрожавших рук?

1941

Михаил Троицкий

22 декабря 1941 года командир минометного взвода Михаил Троицкий погиб в бою за Ленинград в районе Невской Дубровки.

Это будет, я знаю..
Нескоро, быть может, -
Ты войдешь бородатый,
сутулый,
иной.
Твои добрые губы станут суше и строже,
Опалённые
временем
и войной.
Но улыбка останется.
Так иль иначе,
Я пойму - это ты.
Не в стихах, не во сне.
Я рванусь,
подбегу.
И наверно, заплачу,
Как когда-то, уткнувшись в сырую шинель..
Ты поднимешь мне голову.
Скажешь:
"Здравствуй.."
Непривычной рукой по щеке проведёшь.
Я ослепну от слёз,
от ресниц
и от счастья.
Это будет нескоро,
Но ты - придёшь.

Елена Михайловна Ширман

В июле 1942 года она выехала в командировку в район села Ремонтное. Там она была схвачена немцами. На её глазах они расстреляли её родителей, а на следующий день, сорвав с неё одежду, заставили рыть себе могилу. О том, как она погибла, стало известно только через 20 лет.

Не сына, не младшего брата —
тебя бы окликнуть, любя:
«Волчонок, волчонок, куда ты?
Я очень боюсь за тебя!»
Сама приручать не хотела
и правды сказать не могла.
На юность, на счастье, на смелость,
на гордость тебя обрекла.
Мы так же росли и мужали.
Пусть ноет недавний рубец —
прекрасно, что ранняя жалость
не трогала наших сердец.
И вот зазвенела в тумане,
в холодном тумане струна.
Тебя искушает и манит
на встречу с бессмертьем война.

Прости, я кругом виновата —
горит и рыдает в груди;
«Волчонок, волчонок, куда ты?»
Но я не окликну. Иди.

Ольга Берггольц

Русская советская поэтесса, прозаик и драматург, журналист, член Союза писателей СССР. В 1938 году репрессирована - проходила по делу «Литературной группы», реабилитирована в 1939 году. Лауреат Сталинской премии, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

Юлия Друнина

Советская поэтесса

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти! Мы были другими —
Военной голодной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.

Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазые, тощие, мы хорошили
И верили: это на целую жизнь.

Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
И можно ли ставить любимым в вину,
Что нравятся девочки им длинноногие,
Которые только рождались в войну?

И правда, как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблчков,
И даже сожженные краскою космы,
Когда их хозяйкам семнадцать годков.

А годы, как листья осенние, кружатся.
И кажется часто, ровесницы, мне —
В борьбе за любовь пригодится нам мужество
Не меньше, чем на войне...

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца:
Нынче неизвестна
Доля молодца.

То ли он героем
В дом придет родной,
То ли не напишет
Строчки ни одной.

Да и где ты будешь
Ждать его тот срок,
Если немец дома
Грянет на порог?

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца.
Это все начало,
Погоди конца.

Пусть по нем не плачет
Бедная жена,
Служба боевая
Без того трудна.

Лучше пусть невеста
Вспомнит про него,
А бойцу не надо
Больше ничего.

Александр Твардовский

Русский писатель

Константин Симонов

Русский советский прозаик, поэт, драматург и киносценарист. Общественный деятель, журналист, военный корреспондент. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и шести Сталинских премий. Участник боёв на Халхин-Голе и Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Полковник Советской Армии. Заместитель генерального секретаря Союза писателей СССР.

Последний кончился огарок,
И по невидимой черте
Три красных точки трех сигарок
Безмолвно бродят в темноте.

О чем наш разговор солдатский?
О том, что нынче Новый год,
А света нет, и холод адский,
И снег, как каторжный, метет.

Один сказал: «Моя сегодня
Полю помоем, как при мне.
Потом детей, чтоб быть свободней,
Уложит. Сядет в тишине.

Ей сорок лет — мы с ней погодки.
Всплакнет ли, просто ли вздохнет,
Но уж, наверно, рюмкой водки
Меня по-русски помянет...»

Второй сказал: «Уж год с ликвою
С моей война нас развела.
Я, с молодой простясь женою,
Взял клятву, чтоб верна была.

Я клятве верю, — коль не верить,
Как проживешь в таком аду?
Наверно, все глядит на двери,
Все ждет сегодня — вдруг приду...»

А третий лишь вздохнул устало:
Он думал о своей — о той,
Что с лета прошлого молчала
За черной фронтовой чертой...

И двое с ним заговорили,
Чтоб не грустил он, про войну,
Куда их жены отпустили,
Чтобы спасти его жену.

Муса Джалиль

арестовывают в 1943 году и отправляют в тюрьму Моабит, а в 1944 году 25 августа казнят на гильотине.

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.

И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.

Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за все жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.

И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз.
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.

Эдуард Асадов

То ли с укором, то ли с сожаленьем
Звучит твоя задумчивая речь,
Неужто впрямь не смог я уберечь
Себя когда-то в боевых сраженьях?

Мог или нет — да разве в этом дело?!
Ведь в час, когда я подымался в бой,
Я чувствовал все время за спиной
Мою страну, что на меня глядела.

И где бы мне беда ни угрожала —
Не уступал ни смерти, ни огню.
Ведь Родина мне верила и знала,
Что я ее собою заслоню.

И если сердце честное дано,
Ну как, скажи, иначе поступить:
Себя упрятать — Родину открыть!
Вот то-то, дорогая, и оно...

Эдуард Асадов является известным советским поэтом, творческому наследию которого принадлежит 47 книг и сборников стихотворений. Лишенный зрения во время Великой Отечественной войны Эдуард Асадов не бросил писать стихи, а наоборот с еще большим рвением и тягой к жизни продолжал писать и радовать своих читателей новыми работами.

Анна Ахматова — Памяти Вали:

Русская поэтесса Серебряного века, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Была номинирована на Нобелевскую премию по литературе.

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.

Питерские сироты,
Детоньки мои!

Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

Буллат Окуджава

Советский поэт

— Господин лейтенант, что это вы хмуры?
Аль не по сердцу вам ваше ремесло?

— Господин генерал, вспомнились амуры —
не скажу, чтобы мне с ними не везло.

— Господин лейтенант, нынче не до шашней:
скоро бой предстоит, а вы все про баб!

— Господин генерал, перед рукопашной
золотые деньки вспомянуть хотя б.

— Господин лейтенант, не к добру все это!
Мы ведь здесь для того, чтобы побеждать...

— Господин генерал, будет нам победа,
да придется ли мне с вами пировать?

— На полях, лейтенант, кровию политых,
расцветет, лейтенант, славы торжество...

— Господин генерал, слава для убитых,
а живому нужней женщина его.

— Черт возьми, лейтенант, да что это с вами!
Где же воинский долг, ненависть к врагу?!

— Господин генерал, посудите сами:
я и рад бы приврать, да вот не могу...

— Ну гляди, лейтенант, каяться придется!
Пускай счеты с тобой трибунал сведет...

Все слабели, бабы – не слабели,-
В глад и мор, войну и суховей
Молча колыхали колыбели,
Сберегая наших сыновей.

Бабы были лучше, были чище
И не предали девичьих снов
Ради хлеба, ради этой пищи,
Ради орденов или обнов,-

С женотделов и до ранней старости
Через все страдания земли
На плечах, согбенных от усталости,
Красные косынки пронесли.

Борис Слуцкий

Русский поэт

Степан Щипачёв

Советский поэт

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблёлки.
Зарю, что шла по травам и кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
и пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
а славил бы всю жизнь свою дорогу,
когда б армейским скромным трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.

...Да разве об этом расскажешь
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею странюю,
И ты перед всею войною

Михаил Исаковский

Русский советский поэт, поэт-песенник, прозаик, переводчик. Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Сталинских премий первой степени.

Константин Ваншенкин

Советский и российский поэт, автор слов популярных песен «Я люблю тебя, жизнь», «Алёша» и других. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Российской Федерации.

Мир отрочества угловатого.
Полгода с лишним до войны,
Два наших парня из девятого
В девчонку были влюблены.

Любовь бывает не у всякого,
Но первая любовь — у всех.
И оба парня одинаково
Рассчитывали на успех.

Но тут запели трубы грозные,
Зовя сынов родной земли.
И встали мальчики серьезные,
И в первый бой они ушли.

Она ждала их, красна девица,
Ждала двоих, не одного.
А каждый верил и надеялся,
А каждый думал, что его.

И каждый ждал: душой согреть его
Уже готовится она.
Но вышла девушка за третьего,
Едва окончилась война.

Косицы светлые острижены,
И от бывшего — ни следа...
Ах, если бы ребята выжили,
Все б это было не беда.

Давид Самойлов

Русский советский поэт и переводчик. Один из крупнейших представителей поколения поэтов, которые со студенческой скамьи ушли на фронт.

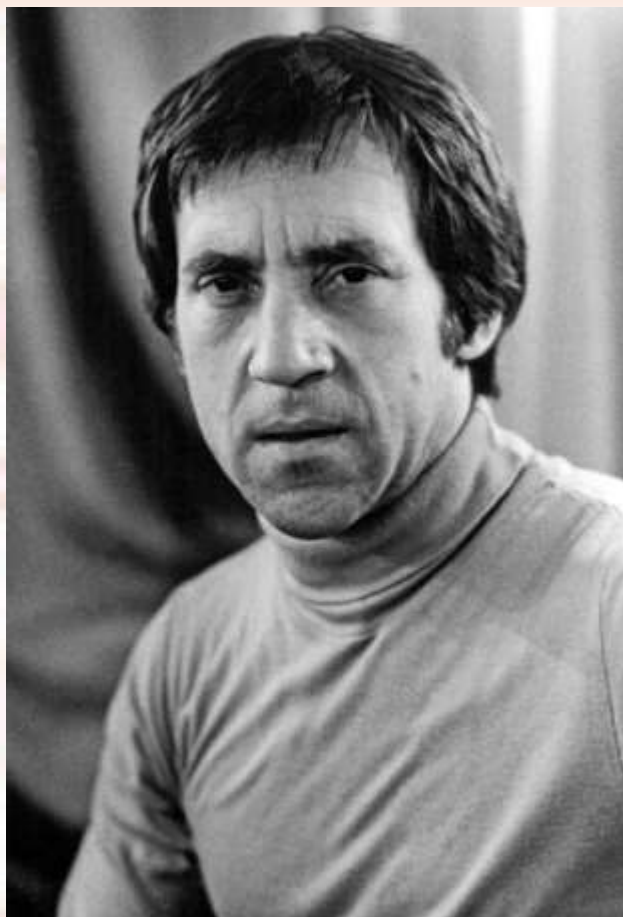
– Ты моей никогда не будешь,
Ты моей никогда не станешь,
Наяву меня не полюбишь
И во сне меня не обманешь...

На юру загорятся листья,
За горой загорится море.
По дороге промчатся рысью
Черноперых всадников двое.

Кони их пробегут меж холмами
По лесам в осеннем уборе,
И исчезнут они в тумане,
А за ними погаснет море.

Будут терпкие листья зыбки
На дубах старинного бора.
И останутся лишь обрывки
Их неясного разговора:

– Ты моим никогда не будешь,
Ты моим никогда не станешь.
Наяву меня не погубишь
И во сне меня не приманишь.

Владимир Высоцкий

Советский поэт

Полчаса до атаки,
Скоро снова под танки,
Снова слушать разрывов концерт.
А бойцу молодому
Передали из дому
Небольшой голубой треугольный конверт.

И как будто не здесь ты,
Если почерк невесты
Или пишут отец твой и мать,
Но случилось другое —
Видно, зря перед боем
Поспешили солдату письмо передать.

Там стояло сначала:
«Извини, что молчала,
Ждать не буду» — и всё, весь листок.
Только снизу приписка:
«Уезжаю не близко,
Ты ж спокойно вой и прости, если что».

Вместе с первым разрывом
Парень крикнул тоскливо:
«Почтальон, что ты мне притащил?!
За минуту до смерти
В треугольном конверте
Пулевое ранение я получил!»

Он шагнул из траншеи
С автоматом на шее,
Он разрывов беречься не стал.
И в бою под Сурою
Он обнялся с землёю,
Только — ветер обрывки письма разметал.
И в бою над Сурою
Он обнялся с землёю,
Только — ветер обрывки письма разметал.